

Его подбородок был наполовину скрыт поднятым воротником, что на фоне чёрной ткани делало его лицо особенно бледным.

Губы были ярко-красными, а уголки рта слегка приподняты.

Неизвестно, что вызвало у него такую улыбку, но когда он не улыбался, его лицо казалось холодным. Однако сейчас оно стало более мягким.

Чэн Лан тоже почувствовал его настроение, и, когда тот открыл дверь машины, его голос звучал с нескрываемой улыбкой:

— 4192?

Лицо молодого пассажира мгновенно стало холодным.

Он тихо хмыкнул, сел на пассажирское сиденье и тщательно пристегнул ремень безопасности. Его прежняя улыбка, казалось, была лишь плодом воображения Чэн Лана.

Чэн Лан сжал губы, отвёл взгляд, закрыл двери и поехал по указаниям навигатора.

— Спасибо, 12-й дом, 2-й подъезд.

Услышав, что пассажир живёт в том же доме, Чэн Лан на мгновение опешил.

Это был первый раз за всё время работы водителем, когда пассажир оказался настолько «попутным».

Доехали буквально до дома.

Всю дорогу Чэн Лан, помимо управления машиной, наблюдал за своим пассажиром. Судя по всему, тот был не в лучшем настроении.

Сначала он смотрел на Чэн Лана, но, заметив, что его взгляд поймали, отвернулся и уставился в окно на однообразный зимний пейзаж.

Его руки, лежащие на коленях, были сжаты в кулаки, костяшки пальцев выделялись, и они казались белыми. У Чэн Лана сложилось впечатление, будто этот человек собирался на драку, но что-то помешало ему присоединиться к компании, и теперь он злился.

Чэн Лан продолжал размышлять, но при этом оставался сосредоточенным на дороге. Он легко добрался до своего дома, открыл замки дверей.

Механический женский голос приложения, как всегда, напомнил пассажиру о безопасности.

Чэн Лан уже собирался попрощаться с этим «крутым парнем», но тот, видимо, торопился на драку, не обращая на него внимания, и выскочил из машины, захлопнув дверь.

Неожиданно Чэн Лан почувствовал, будто дверь ударила его по носу, отчего тот резко заныл.

И ещё он ощутил, будто его доброжелательность была отвергнута, и он остался с носом.

Опомнившись, он удивлённо широко раскрыл глаза.

Уставившись на талию «крутого парня».

Пуховик был толстым, но по бокам одежда слегка проваливалась.

— Довольно тонкая, — непроизвольно пробормотал он.

Из-за своей профессии он всегда обращал внимание на детали.

На красивые вещи... или линии.

Талия этого парня, судя по всему, была очень изящной.

...

Чэн Лан нажал на газ и продолжил движение.

Ланьцяо был новым жилым районом, построенным за последние два года. Он находился рядом с главным транспортным узлом города, что делало его удобным местом для жизни. Многие офисные работники и семьи с хорошим достатком выбирали его для аренды.

Из-за удачного расположения, несмотря на хорошую обстановку внутри района, парковочные места не могли удовлетворить потребности всех жильцов, поэтому их перенесли под землю, а на поверхности создали зоны для отдыха и красивый ландшафт. Летом в пруд запускали несколько карпов, которые часто привлекали пожилых людей, собиравшихся поболтать.

Чэн Лан припарковал машину и поднялся на лифте к себе.

Выйдя из лифта, он почувствовал холод и заметил движение рядом.

Дверь соседей закрылась, и раздался щелчок замка.

Даже через две двери — металлическую и деревянную — он слышал, как соседский ребёнок радостно кричал.

— Го-го-го-го...

Сегодня ребёнок превратился в курицу, которая только и делала, что кудахтала.

Почему-то в голове Чэн Лана мелькнул образ «крутого парня», и он вдруг резко повернулся к двери.

Дверь была светло-серой, и единственным украшением на ней, кроме замка, был образ Гуань Юя.

За три года, что он жил здесь, каждый Новый год управляющая компания раздавала жильцам иероглиф «счастье» для дверей, но эти соседи всегда вешали странного Гуань Юя.

Сначала Чэн Лан был поражён, потом привык, а теперь просто не обращал внимания.

Каждый раз, выходя из дома, он чувствовал, будто Гуань Юй хочет стать его братом.

— Совпадение, — тихо произнёс он.

— Братец, братец, братец! Что ты делаешь?

Дверь ванной внезапно открылась, и в щель просунулась маленькая головка. Большие круглые глаза смотрели по сторонам, а щёчки были розовыми и пухлыми.

Сяо Маньтоу держался за дверную раму, с любопытством глядя на Цзян Дуна.

— Эй, — Цзян Дун, сидевший в туалете, вздрогнул и поспешно подтянул штаны, нахмурившись:

— Выйди!

Сяо Маньтоу моргнул, но не сразу послушался. Его глаза не отрывались от Цзян Дуна, пока тот застёгивал пояс. Вдруг он фыркнул, и его лицо исказилось от отвращения:

— Братец, ты что, какаешь? Пахнет... Я включу вентилятор.

И он потянулся к кнопке вентилятора за дверью.

Цзян Дун, застегнув штаны, шагнул вперёд, подхватил Сяо Манью, как цыплёнка, и отставил в сторону, слегка ущипнув его за щёку, с трудом сдерживая смех:

— Ты даже до кнопки не дотянешься! Мама тебе не говорила, что в комнату надо стучать? Это я в туалете сижу, а если бы я чем-то другим занимался...

— Сяо Дун!

Звук мягких тапочек, стучащих по полу, приближался. Тётя, смотревшая телевизор в гостиной, услышала голоса и поспешила к ванной, как раз вовремя, чтобы прервать Цзян Дуна. Она наклонилась, чтобы прикрыть уши Сяо Манью, и сердито посмотрела на племянника:

— Что ты ребёнку говоришь? Щас как дам!

Сяо Манью не понимал, о чём говорит мама и зачем она закрывает ему уши. Его большие глаза моргали, и он с серьёзным видом заявил:

— Ничего, братец, я не против. Мама говорит, что никто не какает с приятным запахом, ты не стесняйся...

Тётя быстро заткнула ему рот.

Цзян Дун не мог не рассмеяться, глядя на них. Он покачал головой, ничего не сказал и прошёл мимо них в свою комнату.

По пути он слышал, как тётя ругала Сяо Манью за болтовню, а тот, видимо, страдал от того, что ему дёргали уши, и задавал миллион вопросов.

Почему нельзя говорить всё, что думаешь.

Почему дёргают за уши.

Почему на ужин нельзя есть картошку с тмином.

Тётя жила в хороших условиях, в большой трёхкомнатной квартире, которая относилась к среднему классу. Вся семья — жена, дети и пожилые родители, оставшиеся в деревне — жили на зарплату дяди. Тётя раньше работала дизайнером и неплохо зарабатывала, но после замужества дядя не позволил ей больше работать с утра до ночи, разрешая заниматься только тем, что ей нравилось. Она могла работать несколько дней в неделю, иногда брала подработки, встречалась с подругами, водила Сяо Манью на кружки — это был предел, который дядя допускал для своей жены.

Тётя, видимо, от скуки часто уговаривала Цзян Дуна не сидеть всё время в общежитии, а приезжать к ним, проводить время с Сяо Манью, помогать ему с уроками или просто быть

рядом, чтобы не оставаться в одиночестве.

Но Цзян Дун бывал у тётки не чаще десяти раз в год, и каждый раз только после многочисленных звонков. Он приезжал, жил пару дней, а потом, словно боясь, что его поймают, быстро возвращался в общежитие. А через некоторое время тётка снова звонила, и он снова находил отговорки — экзамены, болезни, мероприятия — чтобы оттянуть следующий визит.

Поскольку одна из комнат была переоборудована в кабинет, каждый раз, когда Цзян Дун приезжал, он жил в одной комнате с Сяо Маньтоу. Для этого тётка заменила детскую кровать на двухъярусную и купила шкаф специально для одежды Цзян Дуна — пижамы, повседневная одежда, футболки, джинсы, пуховики — всё было готово, чтобы ему не пришлось брать с собой вещи.

<http://bllate.org/book/15499/1374824>